

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ

«...начитанность его была изумительна»

Личная библиотека и круг чтения любого человека содержат ключ к пониманию его личности. Это известное положение в каждом конкретном случае наполняется оригинальным содержанием. Обращаясь к изучению читательских особенностей, мы узнаем не только о вкусах, духовных и практических потребностях человека, но и о его манере общения с книгой, манере ее приобретать, использовать, а иногда и расставаться с ней. Все, что касается взаимоотношений человека с книгой, имеет важное значение для понимания эмоциональных и интеллектуальных свойств личности. Этим объясняется неизменный интерес к особенностям чтения людей известных, оставивших след в истории культуры человечества. И. С. Аксаков – первый биограф Ф. И. Тютчева – отмечал, что круг чтения Федора Ивановича составляли «все вновь выходящие, сколько-нибудь замечательные книги русской и иностранной литературы, большей частью исторического и политического содержания <...> он обладал способностью читать с поразительной быстротой, удерживая прочитанное в памяти до малейших подробностей, а потому начитанность его была изумительна». Другой особенностью чтения Тютчева, которую заметил его сослуживец по дипломатической миссии И. С. Гагарин, являлось умение поэта безошибочно выбирать, что читать, и извлекать из чтения пользу. Однако, несмотря на то, что Тютчев читал много и активно, дать достаточно полную характеристику содержания и особенностей его чтения непросто. С одной стороны, по единодушному признанию современников, он был одним из самых образованных и начитанных людей своего времени. С другой — личная библиотека поэта практически не сохранилась, в отличие от личных библиотек В. А. Жуковского, М. П. Погодина, А. С. Пушкина, П. Я. Чаадаева и других известных людей, с которыми Тютчева связывали дружеские и литературные отношения. И если упомянутые личные библиотеки, значительные по объему, к настоящему времени тщательно изучены, описаны и доступны исследователям благодаря изданным каталогам, то из личной библиотеки Тютчева до наших дней сохранилось лишь около 70 томов (40 названий). Остатки библиотеки (именно так характеризовала отдельные экземпляры книг, принадлежавших поэту, его вдова, рациональная и ответственная Эрнестина Федоровна) бережно хранятся в музее-усадьбе «Мураново». Подробное описание сохранившейся части книжного собрания опубликовано в тютчевском томе «Литературного наследия».1. Оно включает сведения о книгах, принадлежавших Тютчеву, или подаренных им членам его семьи. Из общего количества лишь 13 книг на русском языке, среди них «Записки охотника» И. С. Тургенева, «Сочинения» З. А. Волконской, подаренные Тютчеву ее сыном, сборник произведений Л. А. Мея, также с дарственной надписью, повести Н. С. Кохановской, «Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный» и др. Остальные книги, представленные в собрании, это издания на иностранных языках. Помимо французского, немецкого и английского языков, Тютчев владел итальянским, а также греческим и латинским. Общий состав сохранившейся части тютчевской библиотеки подтверждает характеристику чтения поэта, данную И. С. Аксаковым: преимущественный интерес к сочинениям исторического и политического содержания. На протяжении всей жизни Тютчева привлекали книги по истории раннего христианства и католической церкви, которые прочитывались им сквозь призму взаимоотношений латинского и славянского миров, книги по римской истории, истории французской революции 1848 года, по проблемам власти и народа. Политическая интуиция Тютчева, его дипломатическая и общественная деятельность основывались на систематическом чтении.

Очевидно, что сохранившиеся книги — это лишь незначительная часть того, что реально входило в круг чтения поэта в различные периоды его жизни. О значительном объеме его библиотеки свидетельствуют, например, сведения, приведенные в «Летописи жизни и творчества Ф. И. Тютчева»: просьба поэта гр. Соларо распорядиться о доставке из

генуэзской таможни в Российское консульство Генуи четырех ящиков с книгами, пришедших на имя Тютчева. Судьба и особенности его личной библиотеки определялись не столько внешними причинами, сколько особенностями отношения поэта к любым проявлениям материального мира, в том числе и к книгам собственной библиотеки.

Правнук поэта и исследователь его творчества К. В. Пигарев отмечал, что Тютчев обращался с книгами так же небрежно, как и со своими рукописями. По прочтении книга для него теряла интерес. Тютчева никак нельзя назвать библиофилом. Для него было не важно, является ли книга его собственностью, значение имело лишь ее содержание. Переезжая с места на место, он зачастую просто оставлял уже прочитанные книги, дарил их, давал читать другим и тут же забывал, не заботясь получить их обратно. Также легко он брал книги у друзей и знакомых, не всегда вовремя возвращая их владельцам. Лишь очень немногие книги, как правило, связанные с дорогими его душе воспоминаниями, специально сохранялись поэтом. В мурановском музее находятся 8 книг из его юношеской библиотеки. Можно предположить, что некоторые из них были особенно дороги Тютчеву: это Библия, Канонник и французское издание Нового Завета, подаренные ему в разное время матерью Екатериной Львовной, с ее дарственными надписями.

На изданной в 1817 году в Петербурге Библии во французском переводе (*La Sainte Bible contenant l'ancien et le Nouveau Testament*) Екатерина Львовна пишет: «Папенька твой желает, чтобы ты говел. Прости! Христос с тобою. Люби Его!». Не менее примечательна надпись на книге церковных песнопений «Канонник» (Киев, 1754): «Переплетена в новый переплет в боварском городе Минхене 1824-го июля 24-го принадлежит Федору Ивановичу Тютчеву». Эту надпись сделал Николай Афанасьевич Хлопов, дядька поэта, документально зафиксировав принадлежность данной книги, которая, вероятно, была подарена матерью уезжавшему за границу сыну. Как отмечает исследователь тютчевского книжного собрания Н. П. Белевцева, эта книга перешла к сестре поэта Д. И. Сушковой, которая на специально вpletенных в книгу листах оставила свидетельства о важнейших событиях своей жизни и вписала молитвы на французском и русском языках. Следует упомянуть и еще об одной дошедшей до нас книге из библиотеки Тютчева. Это первый том сочинений Ламартина (*Lamartine A. Jocelyn, Paris, 1836*), на форзаце которого Тютчев делает владельческую помету, указывая место и дату (*Munich. Ce 16 Avril. 1836*). Романтическая поэма «Жоселен» вышла в марте 1836 года, а в апреле Тютчев уже имел ее в своем собрании. Книга примечательна и наличием владельческой надписи, что уже само по себе не характерно для книг его библиотеки, и тем, что к чтению этой книги поэт возвращается спустя несколько лет и напоминает в письме к жене (1843) о совместном с ней чтении этой поэмы. А если вспомнить, что произведения французского романтика привлекали его как переводчика (перевод элегии «Одиночество»), то факт сохранности данной книги вряд ли следует считать счастливой случайностью.

Чтобы яснее представить облик Тютчева-читателя, необходимо обратиться к документальным свидетельствам его современников: письмам, дневникам, воспоминаниям. Сведения о детском чтении будущего поэта приводит его домашний учитель Семен Егорович Раич: «...Провидению угодно было вверить моему руководству Ф. И. Тютчева, вступившего в десятый год жизни. Необыкновенные дарования и страсть к просвещению милого воспитанника изумляли и утешали меня; года через три он уже был не учеником, а товарищем моим, — так быстро развивался его любознательный и восприимчивый ум!». С помощью учителя, благодарность к которому поэт сохранял всю жизнь, он познакомился с сочинениями римских классиков, сделал свои первые переводы из античных авторов. Как самое лучшее время своей жизни Раич вспоминал летнее пребывание со своим воспитанником в подмосковном имении Тютчевых Троицком: «С каким удовольствием вспоминаю я о тех сладостных часах, когда бывало, весною и летом,

живя в подмосковной, мы вдвоем с Ф. И. выходили из дому, запасались Горацием, Вергилием или кем-нибудь из отечественных писателей и, усевшись в роще, на холмике, углублялись в чтение и утопали в чистых наслаждениях красотами гениальных произведений Поэзии!». Может быть, именно эти совместные прогулки с книгами объясняют любовь поэта к чтению на вольном воздухе: во время пребывания в родном Овстуге он любил забираться с книгой в заветный уголок–беседку на островке в центре небольшого пруда. Или другая картинка – Тютчев, уже после возвращения из-за границы, спокойно сидит на скамейке возле Армянской церкви на Невском проспекте, читая газеты и наслаждаясь столь редким в Петербурге солнцем. Тщательно и систематично фиксировал в своем дневнике впечатления от общения с Тютчевым Михаил Петрович Погодин. «Воспоминания» и «Дневник» известного впоследствии историка сохранили для потомков, в том числе и «книжные» впечатления. «Молоденький мальчик, с румянцем во всю щеку, в зелененьком сюртучке, лежит он, облокотясь на диване, и читает книгу», — вот описание первой встречи автора с шестнадцатилетним Тютчевым. Именно прочитанные книги стали предметом их дальнейших разговоров, споров, обсуждений, темой переписки. Среди обсуждаемых имен: Шиллер, Гердер, Гете, Лессинг, Шлецер, Карамзин, Пушкин, Мерзляков, Жуковский, Тик, Паскаль, Виланд, Свиньин и другие иностранные и отечественные авторы. «Молодой товарищ Тютчев, к которому хаживал я иногда по соседству из Знаменского в Троицкое и заставал всегда за немецкою книгою. Его рассуждения свысока о Виланде и Шиллере, Гердере и Гете, которых как будто принимал он в своей предгостинной, возбуждали желание сравниться с его начитанностью». 1820—1821 годы знаменуются серьезным увлечением друзей немецкой литературой и произведениями Шатобриана и Руссо. В письме Погдину (1821 г.) Тютчев пишет: «Сделайте одолжение – утолите мою жажду. Пришлите продолжение «Исповеди». Никогда с таким рвением и удовольствием я еще ни читывал. – Сочинение это всякому должно быть занимательно. Ибо, поистине, Руссо прав: кто может сказать о себе: я лучше этого человека». В период своей дипломатической деятельности в Баварии и Италии Тютчев продолжал достаточно много времени уделять чтению. О содержании его чтения этого периода можно судить прежде всего по его письмам, где впечатления от прочитанного занимают немалое место. Характеризуя в письме к родителям свой образ жизни в Турине, он пишет: «Утром я читаю и гуляю <...> [вечером] опять читаю и ложусь спать». Обязательным сделалось для него чтение газет и журналов: он не представлял себе начало дня без просмотра парижских, лондонских, венских, берлинских, петербургских и московских газет и журналов. По-прежнему активно интересуется он литературной жизнью в России, отмечая каждое сколько-нибудь значимое явление российской словесности. В письме И. С. Гагарину он восторженно приветствовал появление повестей Н. Ф. Павлова: «Теперь в России каждое полугодие печатаются бесконечно лучшие произведения. Еще недавно я с истинным наслаждением прочитал три повести Павлова, главным образом последнюю. Кроме художественного таланта, достигающего тут редкой зрелости, я был в особенности поражен возмужалостью, совершеннолетием русской мысли. <...> Мне приятно воздать честь русскому уму, по самой сущности своей чуждающемуся риторике, которая составляет язву или скорее первородный грех французского ума. Вот отчего Пушкин так высоко стоит над всеми современными французскими поэтами». Вернувшись после почти двадцатилетней службы за границей, поэт удивлял соотечественников осведомленностью о литературной и общественной жизни России. Он по-прежнему живо интересовался книжными новинками, следил за публикациями в отечественных и иностранных журналах. Можно только удивляться прозорливости и глубине его оценок литературных и общественных явлений современной жизни. Из многочисленных откликов Тютчева на новые издания приведем его оценку «Русского архива» П. И. Бартенева: «По-моему — ни одна из наших современных газет — не способствует столько уразумению и правильной оценке настоящего, сколько ваше издание, по преимуществу посвященное прошедшему».

Интересно, что именно в этом журнале, столь высоко оцененном Тютчевым, в 1874 году была опубликована его биография, написанная И. С. Аксаковым. Активному чтению Тютчева способствовало и его новое назначение на пост председателя Комитета цензуры иностранной.

Благодаря педантизму Эрнестины Федоровны, вдовы поэта, мы имеем возможность узнать и о последнем чтении Тютчева. На книгах Ш. О. Сент-Бева «Письма к принцессе» и А. Вильмена «История папы Григория VII», которые он читал во время предсмертной болезни в марте 1873 года, Эрнестина Федоровна делает надпись «Последнее чтение».

Чтение Федора Ивановича Тютчева можно рассматривать и с точки зрения вечной темы заимствований и влияний. Это самостоятельная проблема для серьезных историко-литературных исследований. В рамках данного краткого обзора отмечу лишь очевидный факт влияния: стихотворение «Здесь некогда, могучий и прекрасный» было написано под впечатлением от чтения романа Тургенева «Дым» и под таким же названием («Дым») опубликовано в 1867 году в «Отечественных записках». Стихотворение построено на противопоставлении раннего творчества Тургенева («могучий и прекрасный шумел и зеленел волшебный лес») его новому роману («Дым — безотрадный, бесконечный дым!»).

Особый сюжет в теме «Тютчев и книга» — отношение поэта к чтению его детей. В письмах к старшей дочери Анне вопросы о чтении постоянны: «Рассказывай мне про свои уроки и про книги, которые читаешь; Ты просила у меня книг. Надеюсь, что те, которые я посылаю, смогут заинтересовать тебя. Читай их внимательно, чтобы дать мне отчет о прочитанном; Что ты читаешь по-русски?». В музее «Мураново» хранятся книги, подаренные Тютчевым дочерям, с его дарственными надписями. На основании анализа данных экземпляров подготовлена интересная статья «Чтение в жизни дочерей Тютчева», к которой я и отсылаю заинтересовавшихся данной темой читателей. Каким же предстает перед нами облик Тютчева-читателя? Чтение было неотъемлемой частью его жизни с детских лет до последних дней. Блестящая память и особый интеллектуальный склад личности поэта объясняют, в какой-то мере, практическое отсутствие помет и записей на полях прочитанных им книг. Тютчев не был библиофилом, судьба библиотеки не волновала поэта, и систематическим собиранием личной библиотеки он не занимался. Отсутствие экслибриса, оригинальных переплетов, владельческих записей также свидетельствует о том, что в книге Тютчева привлекало прежде всего ее содержание. Впечатления от чтения неотделимы для него от других впечатлений жизни: общения с природой и людьми, глубоких страстей, явлений политической и личной жизни. Все эти впечатления удивительным образом трансформировались в сознании и душе поэта, создавая особое противоречивое и трагическое отношение к миру, которое проявилось в его судьбе и вдохновенных стихотворных импровизациях.

Ильина О. Н. «...Начитанность его была изумительна»: книга и чтение в жизни Ф. И. Тютчева / О. Н. Ильина // Библиотечное дело. — 2003. — № 12. — С. 14–16. — (200-летие Тютчева) .

Белевцева Н. П. Чтение в жизни дочерей Ф. И. Тютчева // Библиотечное дело. — 2002. — № 1. — С. 69—76.

Чагин Г. В. Федор Тютчев // Книжное обозрение. — 1985. — 20 сент. — С. 15. (Выдающиеся читатели).

Ильина О.Н. "...Начитанность его была изумительна": книга и чтение в жизни Ф.И.Тютчева / О.Н.Ильина // Библиотечное дело.-2003.- №12.- С.14-16.- (200-летие Тютчева).